

Постижение монолитов не было расшифровкой какой-то головоломки, потому что эти сложные линии и узоры не были вопросом, а сообщением. Постижение монолитов было пониманием сообщений на Небесных Монолитах. Поскольку Небесные Монолиты не были вопросами, то для их познания, естественно, не было стандартных решений.

Это было так же, как и звезды, сияющие на многие реки. Когда те же звезды сияли на разные реки, каждая из них давала собственный вид красоты - надписи на Небесных Монолитах не менялись, но то, как их понимали, зависело от каждого изучающего их. Согласно научным достижениям зрителя, уровню культивации и жизненному опыту, идентичные монолитные надписи будут неизбежно интерпретироваться по-разному. В этом случае какое толкование было правильным? Как и упоминалось ранее, не было стандартных решений. Небесные Монолиты не говорили, а лишь использовали самый простой, но и самый таинственный метод суждения.

Сколько лет Небесные Монолиты покоились на континенте, столько человечество пыталось их познать. Оно уже разработало бесчисленные методы, даже школы мысли, для осмысления монолитов. Даже сейчас были десятки школ мысли, которые по-прежнему использовались или упоминались. Существовало три наиболее уважаемых метода, которые можно было считать основными.

Школа мысли, которая обладала наибольшим авторитетом, была методом Дворца Ли Ортодоксии. Их метод осмысления монолитов подчеркивал внимание на форме, и что линии представляли пути, по которым двигалась истинная эссенция. Идеей южных сект, а именно Пика Святой Девы, было тонкое извлечение смысла. Они считали, что метод понимания Монолитных Надписей не должен быть настолько негибким, и считали, что могли понять надписи путем использования их духовного чувства. Метод третьей школы, казалось, пытался сбалансировать особые точки Севера и Юга на поверхности, но на самом деле упорно считал, что монолитные надписи явно были результатами намерения меча, форм меча и движений меча. Эта школа была известна, как школа техники.

Метод постижения Небесных Монолитов был чрезвычайно важным вопросом. Разногласия по методам, вероятно, сыграли немалую роль в расколе Ортодоксии на север и юг. Вплоть до настоящего времени южные культиваторы Пика Святой Девы по-прежнему держали злобу к власти, которую имел Дворец Ли над Небесными Монолитами. Так как каждый метод подчеркивал разные вещи, разные культиваторы, естественно, познавали разные вещи из монолитов. Самое чудесное было то, что, независимо от того, был ли это метод Дворца Ли или метод Пика Святой Девы, они оба работали в некотором смысле. Когда культиваторы входили в Мавзолей Книг, они неизбежно получали вещи. Культиваторы, которые преуспевали, были твердо убеждены, что метод, который они использовали, был правильным. Другие школы мысли просто использовали трюки. Считалось, что если они преуспевали в постижении монолитов, в конечном итоге они будут двигаться все дальше и дальше от Великого Дао.

Как человек Чжоу, Танг Тридцать Шесть неизбежно чувствовал, что метод Дворца Ли был правильным. Гуань Фэй Бай был учеником Секты Меча Горы Ли, поэтому, конечно, он чувствовал, что метод разума для постижения монолитов был единственно правильным путем. Когда он услышал тон голоса Танга Тридцать Шесть, он не смог удержаться от высказываний. Через дверь, отделяющую их, он издевался над Тангом Тридцать Шесть. Танг Тридцать Шесть имел вид темперамента, что, даже если кто-то не провоцировал его, он все же стал бы оскорблять их близких. Очевидно, что в такой ситуации, когда он был спровоцирован подобным образом, его выражение резко изменилось, и он больше не мог сдерживаться. Поток

ругательств полетел с его губ, и через несколько мгновений хижина наполнилась аргументами и непрестанной битвой.

Некоторое время спустя Танг Тридцать Шесть и Гуань Фэй Бай, наконец, устали, и спокойствие было восстановлено. Затем, с дверью в качестве разделителя, внутренняя и внешняя комнаты были разделены на две подобные сцены. Во внешней комнате Гуань Фэй Бай, Лян Бань Ху и Ци Цзянь посмотрели на своего старшего товарища Гоу Хань Ши. Во внутренней комнате Танг Тридцать Шесть и Чжэ Сю молча уставились на Чэнь Чан Шэна.

От Фестиваля Плюща до Великого Испытания Ортодоксальная Академия и Секта Меча Горы Ли были не в ладах друг с другом. Независимо от того, была ли это помолвка Чэнь Чан Шэна и Сюй Ю Жун, или их последующая серия сражений, обид между ними было слишком много, чтобы сосчитать. Хотя Чжэ Сю прибыл позже, он сражался на Великом Испытании с целью расчистки пути для Чэнь Чан Шэна, и победил Ци Цзянь и Гуань Фэй Бая с жесткой рукой. В глазах Секты Меча Горы Ли он был столь же достойным их ненависти. Тем не менее, под контролем Гоу Хань Ши и Чэнь Чан Шэна, это враждебное настроение не выходило из-под контроля. Прошлой ночью обе стороны спали под одной крышей, но это не означало конец их обид. Теперь, когда дебаты или ссора между Тангом Тридцать Шесть и Гуань Фэй Баем разрослись до этого момента, им было трудно продолжать. Естественно, кто-то должен был прийти и определить победителя.

Конечно же, их надежды легли на двоих, кто изучил Свитки Пути, Гоу Хань Ши и Чэнь Чан Шэна.

В здание пришел порыв ночного ветра, в результате чего деревянная дверь медленно открылась со скрипом. Четыре ученика Секты Меча Ли Шань и трое из Ортодоксальной Академии уставились друг на друга в гробовой тишине.

Гоу Хань Ши вдруг спросил Чэнь Чан Шэна: «Какой метод ты считаешь наиболее целесообразным?»

Он не спрашивал, какой был верным, потому что не было верного и неверного для вещи такого рода.

Чэнь Чан Шэн начал раздумывать, не отвечая сразу же.

Свитки Пути подробно останавливались на многих методах осмысления монолитов. Что касалось трех основных школ, их счета были еще более исчерпывающими. Так как Чэнь Чан Шэн изучал Даосские Каноны (прим.пер. на всякий случай напомним, что Даосские Каноны, Даосские Писания и Свитки Пути одно и то же и имеют абсолютно одинаковый смысл), он, естественно, знал, эти методы наизусть. Но по какой-то причине, когда он смотрел на Отражающий Монолит сегодня, он намеренно не использовал ни одного из этих трех методов. Вместо этого он пошел по новому, более странному, и неизбежно более трудному пути.

«Я считаю, что... ни один из этих трех методов обязательно является правильным».

Он дал ответ, которого никто не ожидал. Кроме того, он использовал слово "правильный", указывая, что он считал, что в вопросе было правильное и неправильное.

Услышав эти слова, все в соломенной хижине были шокированы, включая Танга Тридцать Шесть.

Гоу Хань Ши нахмурился. «Не говори мне, что ты считаешь, что Небесная Книга не поддается

расшифровке?»

На Континенте было много методов для осмысления монолитов, но там было и много людей, включая жрецов Ортодоксии, которые считали, что Небесную Книгу нельзя познать. Все попытки понять Монолитные Надписи были абсурдными и смешными. Даже если кто-то, кто обладал невероятной мудростью, пришел, он был бы в состоянии лишь понять сообщение, которое Монолитные Надписи хотели дать ему. Он был бы неспособен увидеть истинный смысл Небесного Дао.

«Нет, я лишь считаю, что школы мысли настоящего времени все отошли от первоначального смысла Небесных Монолитов».

Чэнь Чан Шэн просто объяснил: «Независимо от того, будь это придерживание формы, извлечение смысла или имитация техник, цели всех этих методов понимания - культивация Дао. Но в действительности, самые ранние люди, которые рассматривали Небесные Монолиты, или, точнее, первый человек, который когда-либо познал Небесные Монолиты, точно не знал, как культивировать... Так что я считаю, что все три метода - неправильные».

В соломенной хижине стало очень тихо, потому что все поняли, что аргумент Чэнь Чан Шэна был очень разумным. Но Гоу Хань Ши покачал головой. «Те, кто не может культивировать, естественно, не будут в состоянии понять методы культивации, но мы можем культивировать... Это подобно ребенку, который не умеет читать. Он никогда не сможет понять красоту в песнях и поэмах, но мы можем. По твоей логике, не должны ли мы полностью избавиться от наших знаний и превратиться в невежественных детей, прежде чем мы сможем понять первоначальный смысл Небесных Монолитов?»

Не убежденный Танг Тридцать Шесть спросил: «Ребенок в лоне чист и невинен, таким образом, он может быть близок к Великому Дао. Даосские Писания всегда говорили это... что, если это правда?»

«Отбрасывание священного и отбрасывание знаний не значит, что мы действительно стали идиотами» - мягко ответил Ци Цзянь.

Гоу Хань Ши поднял руку, показывая, что сейчас не время, чтобы обсуждать этот вопрос. Обращаясь к Чэнь Чан Шэну, он спросил: «В таком случае, какой метод ты использовал, чтобы понять монолит сегодня?»

Чэнь Чан Шэн не скрывал ничего, передав наблюдения, которые он сделал до рассвета, а также изменения в окружении, которые он наблюдал во дворе. «Если Монолитные Надписи неизменны в смысле, почему сообщения, которые постигают разные люди, совершенно различаются? Вот почему я считаю, что смысл Монолитных Надписей в этих изменениях».

Гоу Хань Ши вспомнил что-то и спросил: «Семьсот лет назад, Принц из Жуян, Чэнь Чжи, вошел в Мавзолей Книг для изучения монолитов и написал эссе на эту тему. Кажется, у него был подобный взгляд...»

«Да». Чэнь Чан Шэн продолжил: «Принц из Жуян использовал один год, чтобы понять смысл семнадцати монолитов. Среди имперской семьи, он занял место в первой десятке».

«Я все еще считаю, что этот метод не представляется возможным».

Чэнь серьезно спросил: «Почему?»

«Поскольку монолиты в передней части мавзолея крайне сложны. Холодный ветер, звездное небо, палящее солнце, ночной снег. Изменения в свете еще труднее отслеживать. Просто невозможно сделать тщательное обследование. Выборка наблюдений одного человека просто слишком мала. Даже если игнорировать все это, тебе все равно необходимо выбрать цель для того, чтобы определить какие-либо изменения со временем. Как бы ты выбрал это?»

После момента раздумий, Чэнь Чан Шэн ответил: «Интуиция».

Гоу Хань Ши не говорил ничего более.

Соломенная хижина вновь затихла.

Небесная Книга была непостижимой, но она также могла быть понята в любое время. На поверхности, казалось, что все методы, описанные этими молодыми людьми, были разумными.

У различных культиваторов были различные способы осмысления монолитов, и заявление такого рода вещи не имело смысла.

После некоторых колебаний Ци Цзянь спросил: «Как ты подумал об этом методе?.. Он слишком далек от проторенных путей».

Чэнь Чан Шэн усмехнулся. «В мире есть мириады методов познания монолитов. У меня только один вопрос: легко ли их использовать?»

«Это имеет смысл. Это так же, как и сушеное мясо, которое ты приготовил. Независимо от того, было ли оно приготовлено с сахаром или луком и чесноком, потребовалось задать лишь один вопрос: хорошо ли оно на вкус?»

Гоу Хань Ши улыбнулся, но затем он сдержался. Он строго предупредил Чэнь Чан Шэна: «Но я советую тебе никому не говорить об этом».

Чэнь Чан Шэн был поражен этими словами, но потом понял, что они подразумевали.

Если бы он все еще был молодым даосистом из деревни Си Нин, который только что прибыл в столицу, кто бы заботился о методе, который он использовал для постижения монолитов? Никто не обратил бы на него внимания. Тем не менее, к этому моменту его статус прошел через великую трансформацию. В различных формах он был избран Дворцом Ли. В глазах мира его действия были, возможно, отражением воли Ортодоксии.

Чжэ Сю, который молчал все это время, вдруг открыл рот. Он невыразительно сказал четверым из Секты Меча Горы Ли: «Теперь мы должны узнать, что вы все думаете».

Гоу Хань Ши рассмеялся, но ничего не сказал. Хотя его природа была мягкой, у него была собственная гордость.

Все они перестали обсуждать это и начали умывать лицо и готовиться спать.

Когда Чэнь Чан Шэн убирал свою тетрадь, он вдруг подумал о чем-то. Выйди во внешнюю комнату, он передал свою тетрадь Гоу Хань Ши. «Можешь взглянуть на это? Я нарисовал это, полагаясь на мои чувства».

Гоу Хань Ши чувствовал себя немного неловко. Споры были одним, а давать свои заметки о Монолитных Надписях другому были совсем другим. Он подумал над этим, затем достал

небольшую брошюру из груди передал ее Чэнь Чан Шэну: «до входа в Мавзолей Книг я сделал некоторые приготовления. Эта брошюра содержит некоторые из моих заметок».

Чэнь Чан Шэн рассмеялся, Гоу Хань Ши тоже засмеялся. Оба переглянулись, и вдруг затихли. Улыбки на их лицах медленно исчезли, чтобы быть замененными выражениями шока.

Молодые люди, которые закончили умываться, увидели эту сцену, вернувшись в комнату.

«Они должны быть где-то в комнате», - сказал Гоу Хань Ши.

Чэнь Чан Шэн ответил: «Не в одеялах. Когда я складывал их днем, я не увидел никаких записок. Я даже не видел и листа бумаги».

Озадаченный Танг Тридцать Шесть потер влажные волосы. «О чем вы, ребята, говорите?»

«Записи Сюнь Мэя», - Чэнь Чан Шэн и Гоу Хань Ши подхватили в унисон.

Сразу после этого они одновременно ринулись рыться в вещах в комнате.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/57603>